

НИК ТАРАСОВ

**ПРИЧЕРНОМОРСКИЙ
ГАМБИТ
ДИКОЕ ПОЛЕ**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Т19

Серия «Военная боевая фантастика»

Выпуск 97

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

Издание подготовлено при участии Author Today

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Тарасов, Ник

Т19 Причерноморский гамбит. Дикое поле: роман / Ник Тарасов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 352 с. — (Военная боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-193691-4

Вчера его главной проблемой был годовой отчёт и ипотека. Сегодня — тысяча янычар, идущих вырезать твой гарнизон, и эпидемия дизентерии, которая убивает быстрее пули.

Андрей, обычный менеджер среднего звена, просыпается в теле казака Семёна посреди кровавой сечи XVII века. Никаких суперспособностей, никакой магии. Только холодный рассудок, знания химии из школьной программы и жесткие навыки антикризисного управления.

Главный дедлайн — смерть.

Добро пожаловать в реальный мир, где «оптимизация кадров» означает братскую могилу, а «успешные переговоры» — это когда ты успел выстрелить первым.

Жёсткая альтернативная история. Никаких розовых соплей. Только выживание, тактика и прогрессорство на грани фола.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-193691-4

© Ник Тарасов, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1

Очнулся я не от света и не от звуков, а разбудил меня запах.

Густой, жирный запах гари, от которого сводило скулы. В нём чувствовалась примесь чего-то ассоциативно знакомого... Хм-м... Такой дух я чувствовал когда-то давно, ещё в годы медицинского студенчества, когда нас водили в приёмный покой и показывали тяжелораненых после аварий: сладковатый, тёплый, с металлической нотой запах крови, пролитой слишком много и слишком близко.

Я попытался открыть глаза, но веки не слушались — тяжёлые, словно налитые свинцом. В голове происходило что-то неладное. Боль пульсировала и то и дело вспыхивала короткими, ослепительными всплесками где-то у затылка и прошивала череп до самых глаз. Казалось, будто в голову с размаху вогнали ржавый строительный гвоздь-двухсотку и теперь медленно, без спешки, проворачивают его внутри плоскогубцами.

«Где я?» — мысль шевельнулась лениво, как сонная муха, увязшая в сиропе.

Я лежал на чём-то жёстком и неровном. Ладонь нащупала под собой вовсе не простыню, не ламинат съёмной квартиры и даже не бетонный пол склада. Это была земля. Сухая, выжженная земля. И рядом — что-то мягкое. Тёплое. Но ощущение было странным: не тем тёплым, успокаивающим, какое возникает, когда рядом лежит полуголая девушка, а каким-то чужим, тревожным и неприятным.

С трудом разлепив глаза, я увидел небо. Оно было затянуто дымом и отдавало грязно-жёлтым, а не привычной серостью промзоны, на которой прошли последние пять лет жизни. Я попытался осмотреть себя, недоумевая: «Это что, какая-то шутка, для которой я слишком глупый?»

И тогда пришло оно. Осознание. Но не сразу.

Сначала оно пробилось сквозь боль, как чужой отголосок, как мысль, не имеющая права на существование.

Я — казак.

Эта мысль выглядела нелепо, примерно так же, как если бы я вдруг решил, что я балерина Большого театра. Я — Андрей. Тот самый Андрей, который ещё вчера сводил продажи бытовой техники за день, ругался по телефону с логистами из-за сорванной поставки и мечтал лишь о том, чтобы этот проклятый рабочий день наконец закончился. Андрей, с прокисшим молоком в холодильнике и двумя тысячами рублей на карте до получки.

Но тело... Тело помнило другое. Оно помнило седло, вес шашки на боку и сухой вкус степной пыли на губах.

Я попытался приподнять голову и тут же едва не взвыл от нового удара боли. Перед глазами поплыло. Когда зрение немного прояснилось, я увидел вокруг себя людей. Тела. Груды тел в изодранной, старомодной одежде: кафтанов, портках, поршнях со стёртой кожей на ступнях... Казаки. И они все тоже. Я лежал среди них, наполовину придавленный чьим-то увесистым, уже неподвижным торсом.

— Э-хе-хе... — раздалось совсем рядом. — Этот, гляди-ка, ещё шевелится.

Голос ударил по нервам мгновенно. Я с усилием сфокусировал взгляд и различил фигуру, нависшую надо мной. Грязное, засаленное лицо, редкая бородёнка, беспокойные глазки. «Мародёр», — подумалось мне. В руке он сжимал нож, простой обломок хозяйственного тесака, потемневший от засохшей крови.

Он скалился, прикидывая, куда удобнее ткнуть, чтобы не испортить одежду.

В другой жизни — той, где я числился типичным менеджером по продажам, я бы, наверное, закричал или попытался отползти. Сейчас же сработало не это. Сработали рефлексы, но не «типичные рефлексы Андрея».

Время словно сжалось. Я отчётливо видел, как напрягаются сухожилия на его грязной шее, как на лбу вздувается вена, как заблестели глаза, и рука с ножом пошла вниз.

Сознание консультанта погасло. На его месте включилась мышечная память того тела, в котором я находился. Казака. И она странным,

пугающе точным образом совпала с моими собственными навыками айкидо. Теми самыми, которыми я последние годы занимался без всяких целей, просто чтобы не свихнуться от магазинной рутины.

Рывок.

Я не успел подумать. Всё дальнейшее происходило автоматически, как в тот момент из «Матрицы», когда Нео загрузили в голову боевые навыки, и далее он начал применять их холодно, без эмоций, но с полной уверенностью в каждом движении. Левая рука сама ушла вверх, встречая удар скользя, принимая его по касательной. Перехват. Инерция его замаха сыграла против него. «Но ничего, ты попытался», — спокойно подумал я, и моё лицо озарила лёгкая усмешка.

— Тэ-эк! — успел выдавить мародёр.

Я дёрнул его на себя и в сторону, одновременно подтягивая ногу и вбивая колено ему под рёбра. Он потерял равновесие и рухнул прямо на меня. Нож просвистел у самого моего уха и воткнулся в землю.

Завязалась потасовка. Грязная, вязкая возня на трупах. Он был тяжелее и от него разило давно немытым телом и чесноком. А я оказался... техничнее. Или увереннее. Или злее. А может, просто слишком хотел жить.

Руки двигались сами. Захват за голову. Поворот. Рычаг. Давление. Сильнее, сильнее, ещё сильнее...

Вдруг внутри у него что-то сухо щёлкнуло.

Раздался звук — короткий, тошнотворный хруст, похожий на то, как ломается сухая ветка под сапогом. Тело мародёра сразу обмякло, превратившись в бесформенный груз. Глаза остекленели, бессмысленно уставившись в никуда.

Я сбросил его с себя и пару минут просто сидел, переводя дыхание. Грудь ходила ходуном.

Потом я уставился на свои ладони. Они были залиты чужой кровью, липкой и ещё тёплой. И всё же это были не мои руки. Кожа грубее, пальцы в мозолях от поводов, на костяшках — старые следы заживших ран, которых у меня никогда не было.

Я с силой ущипнул себя за предплечье. Больно. По-настоящему больно.

— Бред... — прошептал я. Голос сорвался, хрипел. — Это просто бред. Переутомление. Перегрев. Траванулся просроченным куриным салатом из дискаунтера. Галлюцинации...

Но боль была настоящей. И запах палёного мяса — настоящий. И мертвец с неестественно перекрученной шеей у моих ног — тоже. Это был не сон. Не наваждение после бесконечных смен в торговом зале, где я годами перекладывал отчёты, ценники и служебные бумажки.

«Верно говорил мой дед, что жизнь — непредсказуема. Но я не думал, что настолько, — рефлексировал я. — Я продавал людям пылесосы, кофемашины, утюги и бесполезные расширенные гарантии, годами повторяя одни и те же вежливые фразы. А смысл?.. Сейчас всё это не имело никакого значения. Я убил человека руками, без

чужой воли и без помех. Сам, спокойно. Что самое интересное — осознание не вызвало всплеска чувств, как должно было бы, оно просто заняло место внутри, тягостное, но неподвижное. И вместе с ним пришло понимание: то, что произошло, останется со мной независимо от того, что будет дальше. Хм-м... Мне сейчас вспомнилась та сцена из „Во все тяжкие“, когда учитель Уолтер Уайт первый раз убил человека — наркодилера Крейзи-8. Сначала — шок и ступор, попытки рационализировать. Затем быстрое переписывание смысла: „я сделал, потому что иначе нельзя“. Груз остаётся, но тема закрыта. По сути, у меня примерно так же, наверное...»

Размышляя о «смысле жизни», я огляделся. Вокруг догорала степь. Чёрный густой дым стелился по земле, съедая горизонт. Слышались стоны, такие тихие, надломленные, безнадёжные, почти стыдливые. Кто-то звал мать, кто-то — жену, кто-то, видимо, боевого товарища, а кто-то хрипло просил воды. Остальные уже не просили ничего, они просто тянули воздух ртом или выли от боли, по-животному, пока хватало сил.

Мысли начали плавно выстраиваться сами собой. Тревога отступила, уступив место холодному, отстранённому вниманию. Я поймал себя на том, что смотрю на происходящее не как на кошмар... Нет, дереализации и деперсонализации у меня определённо не было. Было восприятие ситуации, которую нужно разобрать и пережить.

«Так, — пронеслось в голове. — Ситуация критическая. Я в чужом теле. Среда враждебная.

Возможны новые нападения. Первая задача — понять угрозы. Вторая — найти всё полезное вокруг. Третья — выжить».

Новая информация шла сплошным потоком, как для новорождённого, давила со всех сторон, и я начал разбирать её автоматически. Так же, как когда-то в предновогодней давке торгового зала разбирал проблемных клиентов: оперативно, без эмоций. Этот уже потерян и не встанет. Этот опасен, даже лёжа. Этот ещё дышит, а значит, может стать либо угрозой, либо ресурсом — стоять подумать хорошо, прежде чем действовать.

Да уж. Я жив. Я убил человека. И, похоже, это только начало моей смены.

Смрад остывающего поля боя уже забивал ноздри, мешаясь с пороховой гарью и запахом сырой земли. Я шёл, стараясь не встречаться взглядом с остекленевшими глазами тех, кому уже ничем нельзя было помочь. Внимание скользило по одежде, цепляясь за детали, пока взгляд не зацепился за человека, рядом с которым лежало характерное холодное оружие — пернач.

«Хмм... сотник?» — подумал я.

Память на мгновение подбросила обрывки из детства — старые книги по истории казачества, которые я зачитывал до дыр, мечтая о шашке и коне, а не о бинтах и скальпеле. Есть пернач, лежит среди рядовых тел, на первой линии, признаков отличий высшего командования не было. Да, скорее всего, сотник. Ностальгия мгновенно улетучилась, уступив место холодному анализу.

Он лежал неловко, с вывернутой рукой. Из плеча, примерно чуть выше подмышки, редкими толчками уходила жизнь, кровь была тёмно-красной. «Похоже, глубокое мышечное ранение, возможно, задело крупный сосуд», — подумал я. Страх, давящий и холодный, попытался сковать движения, но тут же отступил. Внутри словно щёлкнуло: я перестал быть растерянным человеком среди трупов. Будучи фельдшером по образованию, я собрался и снова смог действовать.

Я рухнул на колени рядом с ним, не думая о том, что штаны тут же пропитались кровью. Признаков поражения подмышечной артерии не было, как мне показалось при беглом осмотре. Значит, шанс оставался. Пальцы сами нашли нужное место и вдавились в плоть, перекрывая поток. Я давил жёстко, без жалости: иначе было нельзя.

Сотник дёрнулся. Глаза, мутные от боли и шока, распахнулись. Он не понимал, где находится, и не узнавал меня. Для него я был врагом.

— Уйди, пёс... — хрип вырвался, сорванный и слабый.

Здоровая рука метнулась, неумело, отчаянно, пытаясь оттолкнуть или вцепиться.

— Тихо, Мехтиич! Или как тебя там! — рявкнул я, перехватывая кисть и прижимая её коленом к земле. — Не дёргайся. Хочешь жить — терпи.

Он мычал что-то бессвязное, бред смешивался с яростью обречённого, но силы покидали его слишком быстро. Я не слушал. Мой взгляд рыскал по его снаряжению в поисках спасения.

Жгута нет. Аптечки нет. Ничего нет. Но есть кушак. Широкий, плотный пояс на талии.

Одной рукой я продолжал зажимать рану, другой тем временем рвал узел. Помог зубами. Ткань поддалась.

— Сейчас будет больно... — выдавил я сквозь стиснутые зубы, больше для себя.

Я прижал кушак к ране и затянул первый узел. Кровь всё ещё сочилась, но напор ослаб. Мало. Нужно давление. Я схватил обломок древка, валявшийся рядом, продел его в петлю и начал закручивать. Медленно, точно, добавляя усилие по чуть-чуть, пока пульсация под пальцами окончательно не исчезла.

— Вот так... — выдохнул я, закрепляя рычаг концами пояса, чтобы не раскрутился. — Ещё повоюешь.

Сотник обмяк и потерял сознание. Я нащупал пульс на шее, он был нитевидный. Слабый, но отчётливо прощупывался. Я сел рядом, вытирая красные от крови ладони о траву. Ситуация была удручающей: инструментов нет, лекарств нет, обезболивающего — тем более. Здесь, среди грязи и трупов, любая инфекция станет приговором. Без нормальной обработки раны его шансы стремились к нулю. Гангрена или заражение крови сожрут его за пару дней.

Разум упорно твердил: «Брось его. Он обуза. Он почти мёртв. Ты сам едва держишься на ногах. Просто уходи».

Я посмотрел на его лицо — серое, осунувшееся, в копоти и пыли. Бросить человека умирать

после того, как остановил кровь? Это было... не по-людски. Это шло вразрез со всем, чему меня учили, и тем, кем я себя считал.

— Чёрт с тобой, — тихо процедил я. — Когда-нибудь ты покинешь этот мир, но не сегодня, не в мою смену.

Подниматься стоило огромных усилий. Ноги гудели, но внутреннее напряжение ещё держало. Я начал методично обходить ближайшие тела. Но не в поисках оружия и драгоценностей, как могло бы показаться. Наверное. Мне нужны были банально палки и тряпки.

Я нашел несколько сломанных копий. Прочные ясеневые древки — как раз то, что нужно. Отшвырнув наконечники, я отобрал два самых длинных древка. Это будет основа. Теперь поперечины, ещё несколько обломков покороче.

Связывать было нечем, кроме разве что... Я встал на секунду, как вкопанный, задумавшись, но потом всё-таки начал стягивать плащи с двух убитых. Руки на мгновение замедлились. Раздирали угрызения совести, стыдно было трогать чужую одежду, снимать её с неподвижных тел, словно жалкий мародёр, воруемый у тех, кто не может ответить. А потом вспомнился фильм «Живые» с Итаном Хоуком. Но разумные мысли быстро отрезвили меня — им уже всё равно, а живому человеку это ещё может спасти жизнь.

Ткань оказалась грубой, шерстяной, тяжёлой от влаги и запахов, но крепкой. Я резал ножом и рвал её на полосы, ломая ногти, и вязал узлы,

стягивая древки в примитивную конструкцию. Морских узлов я не знал, поэтому делал только то, что умел, связывая древки крепкими узлами и затягивая их двойной петлёй, чтобы они не ползли под нагрузкой.

Кривые, уродливые, скрипучие, но они могли работать. Оставшиеся куски ткани я натянул между жердями, сделав подобие ложа.

Вернувшись к сотнику, я осторожно перекатил его на конструкцию, стараясь не трогать плечо. Он застонал рефлекторно, не открывая глаз. Рядом с ним прикрепил его пернач. Лямки из ткани врезались мне в плечи, когда я впрягся.

Я сделал пробный шаг. Волокуши с натугой поползли по земле, цепляясь за кочки.

Будет трудно. Чертовски трудно. Но я сжал челюсти и потащил, преодолевая боль, глядя вперёд. Туда, где в обрывах памяти этого тела должен был быть острог.

Каждый шаг давался с боем. Мой персональный адский марафон продолжался, и я уже не понимал, сколько прошёл и сколько ещё впереди. Волокуши скрипели, цепляясь за коряги и камни, будто сама земля не хотела отпускать нас живыми с этого проклятого поля. Лямки из скрученной ткани врезались в плечи, сдирая кожу. Боль была грубой, навязчивой, но полезной — она не давала провалиться в черную яму беспмятства, держала в реальности.

— Давай, консультант... — хрипел я себе под нос, сплёвывая солёную слюну. — Это тебе не

план продаж закрывать. Тут счёт простой: дошёл — живёшь, упал — конец.

Сотник за спиной иногда стонал, и этот звук подстегивал лучше любого кнута. Живой, пока ещё живой. Значит, я не зря надрываюсь, изображая бурлака на Волге.

Лес, тянувшийся вдоль дороги темной, угрюмой стеной, казался вымершим, но это была лишь иллюзия. Я чувствовал взгляды. Давящие, оценивающие. Спина, несмотря на холодный пот, горела, будто под прицелом. В какой-то момент, случайно скользнув взглядом по кромке кустарника, я увидел их.

Волки.

Серые, поджарые тени мелькали среди стволов. Они не спешили, не пытались напасть, а просто сопровождали нас, держась на почтительном расстоянии. Санитары леса. Они чуяли кровь, мою и сотника. Они видели, что добыча ослаблена, что она еле переставляет ноги. Они ждали ошибки. Точно как стервятники из отдела аудита перед годовым отчётом — ждут, пока ты оступишься, чтобы разорвать.

— А ну пошли вон! — заорал я, срывая голос.

Крик получился хриплым, вороньим, но злости в нём было на десятерых. Один из зверей, самый наглый, вышел на опушку, скаля жёлтые клыки. Он не боялся. Он оценивал риски.

Я остановился, не снимая лямок, нагнулся и подобрал ком засохшей земли. Поясницу прострелило, но я проигнорировал спазм.

— Пшёл!

Комок со свистом улетел в кусты и глухо ударился о дерево рядом с мордой хищника. Волк дёрнулся, клацнул зубами и отступил в тень. Не ушёл, паразит, а просто стал ждать дальше.

— Я тебе не жратва, сучара! — рычал я, снова налегая на лямки. — И он не консервы! Мы — невкусные! Мы — злые! Подáвитесь!

Я шёл и говорил. Говорил без остановки, не разбирая слов, лишь бы слышать собственный голос и не оставаться наедине с шорохами.

— Кто бы мог подумать, а, Андрюха? — бормотал я, переставляя ватные ноги. — Простой парень из Тюмени. Сидел в торговом зале, бумажки и товар перекладывал, на ипотеку копил, пересматривал неспешно вечерами по второму кругу сериал «Рэй Донован» от Showtime. А теперь что? Вот так попадалово... Сейчас бы чашечку горячего латте, а не вот это вот всё.

В прошлой жизни, в той, стерильной и безопасной, мои навыки сводились к умению уговорить клиента и составить красивую презентацию в PowerPoint для начальства. Здесь, в этой дикой степи, мои скиллы продаж стоили меньше, чем грязь под ногтями. Кому тут впаривать стиральную машину и фен для волос? Волкам?

— Ну что, волчата, кому первый кусь?.. — нервно хохотнул я и тут же закашлялся, словно курильщик с 50-летним стажем. Хотя я и не курю вовсе.

Зато пригодилось другое. То, что я считал просто хобби, способом выпустить пар после душной рабочей недели. Сплавы по Туре